

В. И. КОЛОСОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н. В. Некрасова

В современной историографической ситуации проблемы исторической памяти и конструирования коллективной идентичности становятся одними из актуальнейших. Современная теоретико-познавательная ситуация характеризуется появлением теоретических разработок и конкретных исследований в этой проблемной области. К проблеме формирования исторической памяти и коллективной идентичности напрямую примыкает вопрос соотношения профессионального исторического знания и массового исторического сознания.

Под исторической памятью понимают массовые или групповые представления о прошлом. Более точное, на наш взгляд, определение исторической памяти — «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»¹.

Разработка методологического инструментария и концептуального аппарата для изучения памяти ведётся с начала XX в. Одним из первых к исследованию природы социальной памяти обратился М. Хальбвакс². Он ввёл понятие «коллективной памяти»: именно коллективы и группы выполняют функцию поддержания коллективной памяти, а коллективная память — фактор, поддерживающий идентичность группы. Хальбвакс создал концепцию «мест памяти» (мнемонических мест). Современный французский историк П. Нора, составитель семитомного издания «Les lieux de mémoire» («Места памяти», 1984–1986), исследует проблему соотношения истории и памяти³. Опираясь на мысли Хальбвакса, он развивает теорию «мест памяти» — точек концентрации коллективного воспоминания и идентичности. Современный немецкий египтолог и теоретик проблемы памяти Я. Ассман, также основываясь на идеях Хальбвакса, продуктивно развил концепцию коллективной памяти и разработал на основе понятия «коллективной памяти» концепт «культурная память»⁴. Ассман описывает культурную память как одну из четырёх областей человеческой памяти. Культурная память представляет собой специфическую для каждой культуры форму передачи культурных смыслов. Ассман также противопоставляет историю и память. Однако ряд современных отечественных и зарубежных историков считают, что историческая наука — одна из исторических форм коллективной памяти, так как историки причастны к мифостроительству⁵.

Дискуссии вокруг понятий и проблем, связанных с исследованием памяти, с соотношением профессионального историописания, знания о прошлом и исторической памяти, взаимообусловленности памяти и идентичности активно продолжаются в современной зарубежной и отечественной историографии⁶. Об активной разработке теоретических проблем отечественными историками свидетельствуют научно-исследовательские проекты, реализованные под руководством Л. П. Репиной⁷.

В современной социокультурной ситуации перспективно изучение роли провинциальных историков последней четверти XIX – начала XX вв. в формировании представлений у земляков о прошлом, так как «местное историческое повествование, помимо стремления автора “встроить” местную историю в национальный контекст, подчинено желанию рассказчика истории восстановить образы локальной коллективной памяти и, главное, выбрать те образы, которые подходят нуждам настоящего...»⁸ Понятие «провинциальная историография» впервые введено в науку историком А. А. Севастьяновой применительно к комплексу исторических сочинений, созданных в регионах России во второй половине XVIII в.⁹ Изучение провинциального историописания второй половины XVIII – начала XX вв. уже имеет прочные традиции в отечественной историографии¹⁰. Целесообразно, на наш взгляд, изучать провинциальную историографию и её роль в формировании исторической, культурной, групповой памяти в проблемном поле новой локальной истории, с опорой на методы научно-педагогической школы источниковедения, восходящей к эпистемологической концепции А. С. Лаппо-Данилевского. Такой подход предполагает рассмотрение исторического источника как объективированного результата творческой активности человека с точки зрения принципа «признания чужой одушевлённости», а новая локальная история предлагает изучать провинциальную историографию, обращая внимание на исторический дискурс, конструкцию текстов провинциальных историков, их приёмы и методы работы с источниками.

Особой эпохой в российском провинциальном историописании стала последняя четверть XIX – начало XX вв. В этот период в губерниях сформировались локальные интеллектуальные сообщества, занимавшиеся историческими исследованиями, были организованы научные учреждения и общества, имевшие ярко выраженную направленность на изучение местной истории. Выделяются среди провинциальных обществ губернские учёные архивные комиссии (далее — ГУАК): именно они активно издавали исторические сочинения своих членов — местных историков, «собираателей и любителей древностей». Формировали массовое повседневное историческое сознание жителей русской провинции и исторические материалы, печатавшиеся в «Части неофициальной» периодических изданий «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости».

В настоящей статье предпринята попытка на основе изучения историографических источников — трудов члена Тверской учёной архивной комиссии (далее — ТУАК), провинциального историка В. И. Колосова — выяснить, с помощью каких источников, какими методами создавал он свой исторический нарратив, какие события прошлого, связанные с родным городом и родной землёй, пытался донести до жителей Тверской губернии. Необходимо изучить историографические операции, применённые Колосовым в своих работах; ответить на вопросы: какие места памяти создавал историк, изобретал ли он прошлое или опирался на профессиональное историческое знание; конструировал исторические мифы или занимался их деконструкцией.

Тверской историк Владимир Иванович Колосов родился 1 марта 1854 г. в г. Ржеве Тверской губернии в семье смотрителя Ржевского духовного училища.

Колосов окончил Тверскую духовную семинарию в 1875 г. и церковно-историческое отделение Петербургской духовной академии в 1879 г. После окончания академии преподавал всеобщую и русскую гражданскую историю в Тверской духовной семинарии, женской учительской школе Максимовича и в женской Мариинской гимназии. С 1886 г. В. И. Колосов состоял членом ТУАК (в 1896 г. назначен товарищем председателя комиссии). С 1898 г. являлся председателем Совета Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания. С 1899 по 1919 гг. (до конца жизни) был хранителем Тверского историко-археологического музея.

Творчество В. И. Колосова изучалось тверскими историками в различных контекстах¹¹, но самостоятельным объектом изучения корпус трудов и эго-документов Колосова до сих пор не являлся. Попытка исследования роли трудов историка в формировании представлений о прошлом жителей Тверской губернии предпринимается впервые.

Корпус изданных трудов Колосова можно разделить на несколько групп: 1) работы по истории Твери и тверского Верхневолжья; 2) работы по истории Тверской епархии и Тверской духовной семинарии; 3) труды, связанные с педагогической деятельностью (программы, методики преподавания истории). В. И. Колосовым обнаружены и подготовлены к изданию три исторических сочинения (из них самым значимыми для тверской историографии являются труды Д. И. Карманова¹²). По нашим предварительным подсчётам с 1887 по 1919 гг. издано более тридцати работ В. И. Колосова по тверской истории.

Для решения поставленной задачи необходимо выбрать из общего числа трудов В. И. Колосова те, которые помогут глубже понять процесс работы историка над текстом и в то же время по своей проблематике являются типичными для провинциальных историописателей — современников Колосова. Для анализа нарратива историка мы выбрали очерк, наиболее полно соответствующий решению поставленной задачи, — «Время основания города Твери»¹³.

Как и многих других провинциальных историков, В. И. Колосова интересовали проблемы, связанные с историей славянской колонизации и с историей образования древнерусского города. Исследование истории возникновения родного города — одна из самых популярных тем провинциальных историописателей. Формирование «места памяти» — установление точной даты основания города и, как следствие, организация юбилейных мероприятий — одна из важнейших забот провинциальных исторических обществ. В качестве исследовательского инструментария для историографического анализа очерка В. И. Колосова мы выбрали подход П. Рикёра, подразделявшего работу историка на три фазы: документальную или архивную, объяснения / понимания и письма¹⁴.

С конца XVIII в. в отечественной исторической науке существовало две точки зрения на проблему времени и места основания Твери: первая — правый берег р. Волги и участие владимиристо-суздальских князей в основании города, вторая — левый берег и новгородское влияние. В. Н. Татищев и тверской историк второй половины XVIII в. Д. И. Карманов относили основание Твери к 80-м гг. XII в. в устье Тверцы, а затем перенос её в устье Тьмаки. Петербургский историк В. С. Борзаковский в своём

труде «История Тверского княжества»¹⁵ высказал сомнение по поводу даты первого упоминания Твери в 1181 г. и предложил передвинуть её к 1209 г. И. Д. Беляев и В. С. Борзаковский считали город форпостом новгородцев¹⁶.

Как решил эту проблему тверской историк Колосов? В своём небольшом историческом очерке Колосов обстоятельно приводит мнения историков, исследовавших этот вопрос. Колосов отмечает, что «тверской археолог Диомид Карманов», который «вполне полагается на Татищева», не имел достаточных оснований в утверждении даты основания города в 1181–1182 гг.¹⁷ Критикует он и местных историков — автора биографии тверских иерархов, протоиерея К. К. Чередеева и автора труда о Михаиле Ярославиче Тверском А. Соколова, которые в своих работах «не подвергли этот вопрос новой детальной обработке, считая вслед за Кармановым основание города Твери в 1182 г. за несомненное данное»¹⁸. В 1876 г. в Санкт-Петербурге вышла «История Тверского княжества» В. С. Борзаковского¹⁹. Этот труд являлся самым обстоятельным исследованием по истории Тверского княжества. Колосов критикует Борзаковского, который, «к сожалению, не пришёл к решительным выводам ... хотя и собрал много данных»²⁰ (Борзаковский «признаёт» дату основания Твери 1209 г., опираясь на летописное упоминание²¹). Далее Колосов вступает в полемику с Борзаковским по поводу свидетельства Уставной грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича от 1135 г., в одном из списков которой «ясно и определён»²² упоминается «тверской гость». Борзаковский относится к свидетельству грамоты «с большим сомнением», Колосов же, приводя аргументы в пользу достоверности грамоты, опирается «на нашего знаменитого историка С. М. Соловьёва»²³. Говоря о принадлежности Твери Новгороду в 1135 г., Колосов опирается на исследование И. Д. Беляева «Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород»²⁴. Далее, описывая события, происходившие, по его мнению, в 1181 г. в Твери, он ссылается на Н. М. Карамзина и В. Н. Татищева. Колосов отмечает, что «известие, кроме Татищева, до сих пор не найдено ни в одной летописи, но в связи с вышеизложенными обстоятельствами является вполне вероятным»²⁵. В конце очерка тверской историк цитирует Воскресенскую летопись и заключает, что город Тверь возник в конце XII в. при Всеволоде III, а «уже с 1208 г., т. е. 27 лет спустя после 1181 г., летописи с несомненностью говорят о суздальском городе Твери, городе, значительно уже укрепленном...»²⁶

Отметим, что в первой, документальной, фазе историографической операции исследователь опирается на мнения известных учёных, а также на летописные свидетельства. Каким же образом автор пытается донести до читателей своё мнение о дате возникновения Твери? Основную задачу свою он видит в полемике с Борзаковским, хотя в конечном итоге поддерживает мнение историка о дате образования города. Говоря, что Борзаковский с сомнением относится к достоверности Уставной грамоты, в одном из списков которой упоминается «тверской гость», Колосов приводит цитату из «Истории России» С. М. Соловьёва о подлинности грамоты: Соловьёв говорит, что грамота дошла в двух списках и относительно второго списка есть некоторые сомнения. Добросовестно сообщив читателю, что упоминание «тверского гостя» находится в том же списке грамоты, в котором и «указываемая

С. М. Соловьёвым историческая несообразность», Колосов сличает оба списка, цитируя в тексте очерка «некоторые крупнейшие различия двух списков Уставной грамоты князя Всеволода»²⁷.

Вывод, который делает провинциальный историк, не совсем логичен, вернее, выглядит не совсем логично: «Установив сравнительно большую точность и близость к оригиналу первого списка грамоты, мы вместе с тем устанавливаем почти полную вероятность упоминания тверских гостей среди других новгородских и областных купцов»²⁸. Не вполне убедительно выглядят и упрёки Колосова в адрес Борзаковского, поставившего под сомнение ценность грамоты как источника по истории Твери: «Вероятность положительного решения вопроса наоборот должна заставить историка с особою тщательностью исследовать те источники, из которых он возникает, и употребить все усилия к извлечению из них всех необходимых данных для разрешения возникшего недоумения»²⁹. В этих словах тверского историка слышится назидательность учителя, высказывающего претензии нерадивому ученику. Дискутируя с Борзаковским, Колосов в противовес понятию «историческая критика» использует понятие «здравая историческая критика». Он с неудовольствием говорит, что Борзаковский пытается ослабить свои, как кажется Колосову, справедливые соображения об основании новгородцами поселения в устье Тверцы, «призывая на помощь историческую критику»³⁰. Опираясь на летописные источники и на мнение профессиональных историков, автор тем не менее не до конца «держит планку» научного дискурса в своём, по сути, историографическом очерке; не вполне ясно и чётко подводит читателя к заключительному выводу. Однако, в отличие от своих коллег — провинциальных историописателей, тверской историк не призывает на помощь легенды и предания.

Риторические приёмы, которые использовал автор (мы говорим о литературной, заключительной, фазе историографической операции), вполне типичны для текстов провинциальных исследователей, писавших о происхождении своих городов³¹. Колосов также не избежал обязательного интригующего вступления: «Вопрос о времени основания Твери до сих пор не решён ещё вполне обстоятельно»³². Колосов, в отличие от многих провинциальных авторов, не старается понравиться читателю и не прибегает для окончания своего исторического очерка ярких выводов и сообщений о сенсационных находках. Однако он не свободен от неаргументированного дискурса, говоря о «почти полной вероятности»³³ или «...в следующем году, вероятно даже ...»³⁴ и «...перестаёт быть вероятным, раз мы допустим»³⁵.

Важным для дальнейших исследований роли творчества историка в формировании представлений о прошлом у земляков представляется следующее: в конце жизни В. И. Колосов подготовил к изданию книгу «Прошлое и настоящее города Твери», в основу которой легли исторические очерки, написанные им ранее³⁶. Колосов, являясь преподавателем истории, сконструировал материал по образу учителя, как учитель для своих учеников. Любопытно, что в книге отсутствуют ссылки на источники и авторские примечания (за исключением нескольких подстрочных примечаний), которые есть в очерках. В тексте Колосов упоминает и Татищева, и Карамзина, и Карманова, не указывая точных источников. Практически каждая

глава книги представляет собой несколько изменённый (популяризованный) и дополненный очерк В. И. Колосова по истории тверского Верхневолжья. Структура книги такова: первая глава включает описание Тверского края от «отдалённых геологических эпох» до разгрома Твери во время нашествия Батыя; вторая — историю Тверского княжества до присоединения его к Москве; третья — историю Твери после присоединения её к Москве и до царствования Екатерины II. Четвёртая глава посвящена восстановлению Твери после пожара и роли Екатерины в истории города. Глава пятая охватывает период с 1809 г. (назначение принца Георга Ольденбургского тверским генерал-губернатором) и до марта 1917 г. Последние три главы посвящены экономической и культурной жизни Твери (торговля, промышленность, судоходство, распространение христианства и, наконец, «замечательные здания города Твери»). Повторяя структуру школьных учебников, Колосов, начиная с третьей главы, включает в свой исторический нарратив легенды и предания, связанные со знаменательными событиями Тверской истории (рассказ-легенда о строительстве Петром I моста через Волгу, легенды, связанные с чертогами царевича Алексея Петровича в Желтиковом монастыре, и др.). Последний труд историка свидетельствует о том, что цель своего творчества Колосов видел в популяризации исторических знаний, воспитании любви к месту, где живёшь, развитию «отчизноведения».

Таким образом, возможно заключить, что рассмотренные выше труды Колосова — это социально ориентированная практика историописания, имеющая своим целеполаганием формирование коллективных представлений о прошлом. Отметим, однако, что творчество тверского историка нуждается в глубоком исследовании, целью которого должны быть классификация его трудов, анализ включённости работ В. И. Колосова в историографический процесс и в процесс формирования исторической памяти.

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 417.

² Хальбвакс М. 1) Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41); 2) Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007.

³ Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 1999.

⁴ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки слав. культуры, 2004.

⁵ См., например: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-та, 2003.

⁶ См. подробнее: Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 19–49.

⁷ История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. М.: Кругъ, 2006; Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008; Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М.: Кругъ, 2010.

⁸ Маловичко С. И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 7. С. 11.

⁹ См.: *Севастьянова А. А.* Историография русской провинции второй половины XVIII в. (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 134.

¹⁰ См.: *Севастьянова А. А.* 1) Историография русской провинции второй половины XVIII в. (к постановке проблемы). С. 134–142; 2) Русская провинциальная историография второй половины XVIII века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1993; 3) Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия РАН, 1998; *Середа В. Н.* У истоков тверского краеведения: историко-краеведческая деятельность в Твери в 70-х гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Бердинских В. А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Маловичко С. И.* 1) Отечественная историческая мысль XVIII в. о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А. Л. Шлёцера). Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001; 2) Эрудитский тип исторического знания в российской провинциальной историографии XIX века / Научно-образовательный центр «Новая локальная история». URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/230> (дата обращения: 23.01.2012); 3) Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 7. С. 5–31.

¹¹ См.: Тверская рукопись Юрия Крижанича / сост. *И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев*. Тверь: ООО «Издательство Сатори», 2008. С. 7–23; *Середа В. Н.* У истоков тверского краеведения: историко-краеведческая деятельность в Твери в 70-х гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. См. также предисловие и научно-справочный аппарат к переизданию книги: *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее города Твери. Тверь: Леан, 1994.

¹² *Карманов Д. И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края / подгот. к изд. член Тверск. учен. арх. ком. Владимир Колосов. Тверь: Типография губернского правления, 1893.

¹³ *Колосов В. И.* Время основания города Твери. М., 1902. Очерк переиздан: *Колосов В. И.* Время основания города Твери // *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее города Твери. Тверь: Леан, 1994. С. 132–139; *Колосов В. И.* Время основания города Твери // *Колосов В. И.* История земли Тверской. Тверь: Мартин, 2006. С. 122–130. Далее ссылки приводятся по изданию 1994 г.

¹⁴ См.: *Рикер П.* Историописание и репрезентация прошлого // *Анналы на рубеже веков: антология*. М.: XXI век: Согласие, 2002. С. 23–41.

¹⁵ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб.: И. Г. Мартынов, 1876.

¹⁶ См. подробнее: *Жукова Е. Н.* История изучения археологических памятников средневековья в Тверской губернии в конце XIX – первой трети XX в. // *Древняя Тверь: материалы научной конференции*. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 8–10.

¹⁷ *Колосов В. И.* Время основания города Твери // *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее города Твери. Тверь, 1994. С. 132.

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.

²⁰ *Колосов В. И.* Время основания города Твери. С. 133.

²¹ Современные историки считают датой основания Твери 1208/09 г.: «Во всяком случае, можно считать установленным фактом, что в 1208/09 г. город Тверь уже существовал. В этом году войско, посланное великим князем против Новгорода, сделало остановку в Твери.

Исследователи считают это первым надежным летописным упоминанием о городе Твери». (Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 49). Для изучения формирования исторической памяти жителей Твери представляется важным, что в 1990 г. 1135 г. признан официальным годом основания Твери. Тверской историк П. Д. Малыгин отмечает, что краеведы Верхневолжья, «... не получив поддержки у историков и археологов, решили с помощью городской Думы узаконить “липовый” год рождения Твери — 1135-й». (Малыгин П. Д. Заметки научного редактора // Великое прошлое. Труды научной конференции, посвящённой 750-летию Тверского княжества и 725-летию Тверской епархии. Тверь: Герс, 1998. С. 153.)

²² Колосов В. И. Время основания города Твери. С. 134.

²³ Там же.

²⁴ Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород // Временник Моск. об-ва ист. и древн. росс. М., 1850. Кн. 7–8. С. 1–102.

²⁵ Колосов В. И. Время основания города Твери. С. 138.

²⁶ Там же. С. 139.

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Там же. С. 136–137.

²⁹ Там же. С. 135.

³⁰ Там же. С. 138.

³¹ См.: Маловичко С. И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении. С. 19–20.

³² Колосов В. И. Время основания города Твери. С. 132.

³³ Там же. С. 137.

³⁴ Там же. С. 138.

³⁵ Там же. С. 137.

³⁶ Колосов В. И. Прошлое и настоящее города Твери. Тверь, 1917. (В выходных данных значится 1917 г., однако в послесловии к книге, написанном правителем дел ТУАК И. А. Виноградовым, сказано, что книга напечатана в 1919 г.) В основу книги легли следующие очерки: Колосов В. И. 1) Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь, 1888; 2) Верховья реки Волги в их прошлом и настоящем. Тверь, 1893; 3) Время основания города Твери. М., 1902; 4) Кто виновен в смерти митрополита Филиппа? Тверь, 1904; 5) Петр Великий в Твери. Тверь, 1902; 6) Святой митрополит Филипп и место его заточения в Отроче монастыре. Тверь, 1902; 7) Стерженский и Лопастницкий кресты в связи с древними водными путями в Верхнем Поволжье. Тверь, 1890; 8) Тверские филантропы XVIII столетия. Тверь, 1887; 9) Тверь в царствование императрицы Екатерины II. Тверь, 1896.